

УДК 008(091)

Проблема преемственности культурных ценностей Древней Руси в постпетровской России: языковой контекст

Рыбалка Юлия Анатольевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Социальная работа»,
Донской государственный технический университет,
344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1;
e-mail: rybalka-yuliya@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме трансляции культурных смыслов древнерусской культуры в постпетровскую Россию в контексте языковых споров В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, деятельности А.С. Пушкина по поводу создания русского литературного языка. Рассмотрев вкратце их позиции, автор выявляет слияние в русском литературном языке элементов церковнославянского и русского разговорного. Дальнейший анализ показывает, что высокая доля церковнославянизмов в русском литературном языке не только значительно расширила богатство его стилистических и семантических возможностей, обеспечив философское богатство и гибкость терминологии, но и обеспечила сохранение высоких нравственных и мировоззренческих ориентиров Святой Руси для современности. Специфика типа вербального мышления, уходящего корнями в древнерусскую книжность, и восприятие русским литературным языком церковнославянской традиции повлияли и на особенности русского типа философствования, наиболее ярко проявившегося в русской религиозной философии, стремившейся критически переосмыслить западноевропейский логико-понятийный рациональный способ рассуждения.

Для цитирования в научных исследованиях

Рыбалка Ю.А. Проблема преемственности культурных ценностей Древней Руси в постпетровской России: языковой контекст // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 2А. С. 116-125.

Ключевые слова

Русское языковое мышление, церковнославянский язык, русский литературный язык, В.К. Тредиаковский, А.С. Пушкин, антиномичность мышления.

Введение

XVI-XVIII вв. – эпоха смены парадигмы развития русской культуры. Петровская эпоха символического строительства новой России коснулась практически всех социальных структур – ориентированных на Запад образовательных учреждений, государственных органов, элементов быта и др. Но социокультурный кризис, охвативший Русь в период Раскола XVII в. и последующих Петровских реформ, разорвавший прежде единое культурное пространство на «верхи» и «низы», «старообрядцев» и «новообрядцев», «народ» и «интеллигенцию», на московскую и петербургскую культуры, не разрушил полностью структуру и пространство самоидентичности русской культуры. Одним из важнейших трансляторов констант древнерусской культуры в культуру «новой», светской России стал *язык*.

В XX в. проблемы языка в сопоставлении с различными сферами культуры широко обсуждались в философии (М. Хайдеггер, М. Фуко, Л. Витгенштейн, А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.С. Трубецкой), лингвистике (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф и др.), социологии, психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин, А.Р. Лурия), психолингвистике (А.Н. Леонтьев, Е. Оксаар), социолингвистике (В.А. Звегинцев), культурологии (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, М.К. Петров и др.), этносемантике (А. Вежбицкая, Б.М. Гаспаров) и др. Специфика культурологического исследования как интегративной области знания позволяет использовать результаты исследований указанных наук, вводя их в особую теоретико-культурную парадигму, отличную от общепhilosophического или частногуманитарного исследования. В рамках культурологической парадигмы можно рассмотреть роль языка в функционировании культурных механизмов, направленных на сохранение целостности и обеспечение преемственности культурных форм и смыслов культуры в переломные эпохи, а также выявить некоторые особенности языкового мышления, сформированные на базе конкретного национального языка в конкретных исторических условиях.

Русский язык, как и все сферы культуры России, переживал в XVII-XIX вв. бурный период. Это отразилось, прежде всего, на процессе формирования *русского литературного языка* в ходе оживленных споров XVIII – начала XIX в.

Основной гипотезой данной статьи является тезис: *церковнославянский язык, первый книжный язык на Руси, главный язык, на котором осуществлялась культурная самоидентификация русской культуры, вошел в русский литературный язык, обеспечив преемственное существование древнерусского вербального мышления в пространстве российской мыслительной культуры*. Доказательство данного тезиса мы предполагаем провести, последовательно рассмотрев три вопроса: 1) соотношение двух языковых стихий (церковнославянского и русского разговорного языков) в составе русского литературного языка, возникшего в языковых спорах XVIII – начала XIX в.; 2) роль церковнославянских элементов в философской и научной терминологии; 3) особенности русского языкового мышления.

Полемика по поводу создания русского литературного языка

Как пишет Б.А. Успенский, в России Нового времени «создание нового литературного языка определяется не столько реальной необходимостью, сколько идеологическими потребностями, обусловленными в свою очередь культурной ориентацией: эта задача выступает и формулируется как своего рода социальный заказ» [Успенский, 1994, 120]. Новые ориентиры

на секуляризацию и европеизацию напрямую проявились в реформах русского языка. Так, проведенная Петром I реформа русской азбуки, помимо размежевания церковной (сужения области ее действия) и светской письменности, имела смысл ориентации гражданского письма на западные образцы: написание букв новой азбуки, будучи связанным со скорописью, т.е. русским разговорным языком, оказалось также приближено к латинице. Задача устройства «российского языка», литературного языка, отвечающего нуждам изменяющейся Российской империи, не решается новым шрифтом. Среди поэтов (а именно они взяли на себя выполнение данной задачи) разгорается полемика, возникающие программы переустройства языка сразу же воплощаются в поэтических текстах. Первые тексты на русском литературном языке часто носят экспериментальный характер, существенно различаясь в языковом отношении. В ходе создания этих программ поэты осуществляли рефлексию над языковой ситуацией в России, отчетливо выявляя для себя высокую значимость церковнославянского языка для национальной традиции. И основной темой языковой полемики становится вопрос о том, каким образом сочетать в литературном языке церковнославянские и русские элементы.

Первоначальная программа устройства «российского языка», предложенная В.К. Тредиаковским и В.Е. Адодуровым в 1730-х гг., соотносящая язык церковнославянский и русский, подобно соотношению французского и латинского, строилась по подобию французского, ориентирующегося на «употребление», а не на кодифицированные нормирующие правила. Но принятие данной программы резко разорвало бы устойчивую сложившуюся русскую языковую действительность, связанную с условиями существования церковнославянского языка, ибо церковнославянский язык был принципиально ориентирован на следование устойчивым каноническим формам и правилам, носящим часто символический характер, в связи с направленностью на выражение высших духовных смыслов.

Последующая программа В.К. Тредиаковского сталкивается с программой А.П. Сумарокова, обратившись к спору которых можно увидеть, по каким вопросам возникали противоречия в языковом сознании этой эпохи. Показательно, что общность их позиций заключалась в осознании «субстанционального единства церковнославянского и русского языков» (иначе говоря, русский разговорный и церковнославянский объявлялись одинаково неотъемлемыми компонентами русской языковой действительности); далее декларировалась значимость церковных книг для развития литературного языка (несмотря на сознательную направленность на секуляризацию, признавался высокий культурный статус церковнославянской книжности, которая объявлялась тем самым потенциальным источником образцовых приемов и форм для «новой» литературы); из этого делается вывод о необходимости синтеза двух названных стихий.

Различие позиций состояло в следующем. Тредиаковский предлагал отдать полный приоритет церковнославянской традиции, т. е. перенести на светскую литературу (для которой создавался новый язык) основные принципы церковнославянского языка (жесткую нормированность и запрет на разговорное бытовое употребление, существующий на Руси по отношению к церковнославянскому), главное внимание уделить высоким жанрам, ассоциируемым Тредиаковским с христианской тематикой в плане содержания, запретить использование языческих мифологических образов. Сумароков же предлагал сделать церковнославянский язык только одним из источников нового литературного языка (равноправным с разговорным языком), выступал против унификации языковых форм, сосредоточив внимание на средних жанрах (любовные элегии, песня, буколическая поэзия, говорящие о «приятном» и «нежном», где активно используется разговорный язык). Так, именно

буколическая поэзия, по мнению И. Клейна, является жанровой сферой, внутри которой «нежный» разговорный язык приобретает литературное достоинство» [Цит. по: Гринберг, Успенский, 2001, 132].

Таким образом, основное различие двух позиций заключалось в вопросе о том, оставить ли существующую в России дистанцию между языком литературным и разговорным (в отличие от западноевропейской языковой ситуации, где литературный язык и «язык дружеского разговора» сливались) и, соответственно, вводить ли в письменный язык свободно иноязычные заимствования (вместе с элементами иной культуры), описания человеческих чувств, бытовые элементы вне соотнесения их с высшими смыслами. Третьяков в эпиграмме на Сумарокова (1754) писал: «Он красотой зовет, что есть языку вред: / Или ямщикий вздор, или мужицкий бред... / За образец ему в письме пирожных ряд, / На площади берет прегнусный свой наряд...» [Цит. по: Успенский, 1994, 136].

Языковые споры, длившиеся до начала XIX в., получили завершение в творчестве А.С. Пушкина. По реконструкции Б.А. Успенского [Там же, 167-183], в литературном языке Пушкина элементы русского разговорного и церковнославянского языков слились, представ в виде современного нам русского литературного языка. Это означает, что две языковые стихии были восприняты поэтом в конечном итоге как равноправные, используясь независимо от стиля (по предшествующей теории Ломоносова, как и Третьяковского, церковнославянизмы были принадлежностью высокого стиля). При этом их отличие друг от друга четко осознавалось Пушкиным, что позволяло ему использовать какой-либо из них в зависимости от содержания. Например, церковнославянизмы и русизмы применяются им в качестве своеобразных семантических регистров. В целом это соответствует древнерусской традиции исходить из содержания, но не из требований формы (в отличие от западноевропейской традиции). Но абсолютная семантическая маркировка, противопоставляющая духовное, связанное с православными смыслами, временному, мирскому, у Пушкина нивелируется, будучи переведена в культурную сферу: церковнославянизмы используются теперь для отметки культурно-идеологической позиции (в противопоставлении «культурное – некультурное», «свое – чужое»). Так, церковнославянизмы используются как библеизмы в сопоставлении русской и западной традиций, как ориентализмы (в обобщенном виде соотносясь со всем восточным, в том числе еврейским) при противопоставлении еврейской, восточной традиций (в «Подражаниях Корану», «Бахчисарайском фонтане») – античной; также они могут использоваться и в применении к античной традиции при противопоставлении «древнее – новое» (в «Памятнике» – подражании Горацию). Это ведет в конечном счете к использованию церковнославянизмов в качестве *изобразительного средства*, как чисто литературного приема (для воссоздания исторического колорита, например, в «Борисе Годунове»; при реминисценции русской поэзии высокого стиля). Общей характеристикой стиля Пушкина можно назвать своеобразную эклектичность (по строгим канонам древнерусской книжности, где подобное смешение церковнославянизмов и разговорных русизмов было недопустимо). Такой синтез воспринимался негативно и в пушкинское время. Так, М. Дмитриев отозвался следующим образом о фразе в «Евгении Онегине» «Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»: «В первый раз, я думаю, дровни в завидном соседстве с торжеством». А стихотворение Ф.П. Львова, использующего подобный принцип: «Пеночка моя драгая, / Что сюда тебя влекло...», прочитанное им на литературном вечере в 1807 г., вызвало негодование П.А. Кикина, который ни за что не хотел допустить, чтобы в легком стихотворении к птичке можно было употребить церковнославянское выражение «драгая» вместо «дорогая». Такое же недоумение вызывали

фразы Пушкина типа «зажмура очи», «в избушке, распевая, дева прядет...», сочетающие элементы двух языков – церковнославянского и русского разговорного.

Русскому литературному языку в целом синтез, произведенный А.С. Пушкиным, придал огромные смысловые возможности за счет подключения к ограниченным возможностям русского разговорного (ориентированного на выражение выводов обыденного уровня мышления) чрезвычайно разнообразных, гибких возможностей церковнославянского, в течение восьми веков оттачиваемых на материале христианских текстов в тесной корреляции с древнегреческим языком. Как пишет современный исследователь В.А. Мишланов, «особенность русского национального языка заключается в том, что славянский язык Библии не просто повлиял на него, но стал его органической частью» [Мишланов, 2016, www]. С.Н. Трубецкой, говоря о возможностях русского литературного языка, о содержании «смыслового фонда», выразимого с его помощью, выделяет оттенки слов, придаваемых церковнославянской стихией. Сочетание церковнославянизмов и русизмов способствовало также возникновению полисемии как отличительного свойства русского литературного языка, созданию богатства стилистических возможностей (С.Н. Трубецкой) и т. д., что придало ему необычайно богатые выразительные возможности. Не случайно еще М.В. Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных» отмечал, что понятия церковнославянского языка воспринимаются как «сокращенные мысли», дающие возможность к изображению «идей вечных и высоких» [Ломоносов, 1986, 200]. Так, Ф. Прокопович писал, что церковнославянский язык необходим для того, чтобы описывать «чудные, бессмертные деяния богов или деяния человеческие, но достойные удивления; наконец, все самое примечательное и выдающееся в своем роде» [Прокопович, 1986, 200].

Роль церковнославянских элементов в философской и научной терминологии

Традиция обращения к церковнославянскому языку для выражения абстрактных положений, понятий, рассуждений на возвышенные, далекие от обыденности темы была активно востребована в создании философской и научной терминологии. Особенностью русской философии XVIII в., создаваемой во многом в ориентации на западные образцы, было отсутствие специальной философской терминологии и аналогичного западноевропейскому категориального аппарата. Ситуация философского терминотворчества, сопровождающая XVIII в., сопоставима с соответствующим положением дел в Германии, где философствование на немецком языке было окрашено сакральной символикой, имея своей предпосылкой богословие на немецком языке в XVII в. и перевод Мартином Лютером Библии [Артемьева, 1996, 128]. Внешне ситуация в России кардинально отличалась. Философствование в западноевропейском смысле, вызванное сознательной ориентацией на западные образцы, служило своеобразным вызовом религиозной мысли. Создание философской терминологии было отягощено насильственной секуляризацией философского языка, ставшей косвенным результатом петровских языковых реформ, лишив первоначально философскую мысль возможности открыто обращаться к лексическому фонду церковнославянского языка. Выразить же отвлеченные философские понятия на языке обыденности и здравого смысла оказалось крайне затруднительно. В результате философы часто обращались к переводным из западных языков терминам, но буквальные переводы давали мало пользы (так, по терминологии Г.Н. Теплова, номиналисты переводились как *словесники*, реалисты – как *вещественники*,

умозаключение – как *винословие*, философия – как *любомудрие* и т. д.), потому такого рода термины не прижились, используя только в первой трети XVIII в. [Цит. по: Там же]. В.К. Третьяковский же приводит латинские и французские эквиваленты (на 79 страницах!), проясняющие смысл терминов (так, под «*простым опытом*» он понимал историческое и эмпирическое знание (*historico, empirico*), под «*основательным*» – абсолютное (*absoluta*), под «*нижайшими свойствами сущего*» – атрибуты (*attributum*) и т. п.). Таким образом, в целом иноязычные термины, берущиеся в отталкивании от собственной традиции (что не позволяло использовать церковнославянизмы) из иной философской традиции, выступали скорее как «интеллектуальные метафоры-образы», навеянные поэтикой европейского рационализма. «Совокупность принятых в западных системах терминов, – констатирует Т.В. Артемьева, – не играла в русской философии роли категориального аппарата, а имела другой... смысл» [Там же, 13], выступая маркером «культурности» и «образованности» автора.

Постепенно, в ходе языковой полемики XVII-XVIII вв. в литературе, параллельно трансформировалась и философская терминология, обнаружив тенденцию опираться на «высокий стиль», тесно связанный, как мы помним, с церковнославянизмами. Еще в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия появились термины «естество», «свойства», «сущность», «понятие», «Вселенная», «закон», «бытие», «небытие», «Бог», «божество», «идея», «существо», «мудрость», «воображение», «диалектика», «философия», «истина» и многие другие [Верещагин, 1997, 139]. С возникновением русского литературного языка после Пушкина данные термины органично вошли в пространство нового литературного языка, включилась и философия. Как писал Н.С. Трубецкой, «настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития не только изящной литературы, но и научной, философской, религиозной и политической мысли. Для этой цели ему приходится иметь совершенно иные словарь и синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры (при этом пригодность языка включает не только лексический фонд, но и наличие средств для дискурса)» [Трубецкой, 1990, 125], т. е. синтаксических моделей, способных обеспечить развертывание во времени сложной мысли или поэтического периода.

Богатство философских возможностей русского литературного языка отмечается многими исследователями. И во многом это обусловлено вхождением церковнославянской стихии в русский литературный язык (по подсчетам академиков А.А. Шахматова и Л.В. Щербы, больше 55% всех элементов русского языка восходит к церковнославянскому). Так, оды Ломоносова и Державина содержат до 92% церковнославянизмов, а в передовой газеты «Правда», посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, их 55%, как и в произведениях Пушкина. Переводчик произведений М. Хайдеггера В. Биbihин отмечает в русском литературном языке «гибкость, способность к приспособлению, имитации... пока еще не разведанный философский запас», заметив, что «иногда в русском языке проявляется даже то, чего Хайдеггеру в его немецком как будто бы не хватает». Так, центральное слово зрелой хайдеггеровской мысли – «событие» – заставляет в русском переводе настойчивее вспомнить о бытии, чем в немецком Ereignis [Биbihин, 1993, 13] (а термин «бытие» первоначально имеет явно церковнославянское происхождение). Активное использование церковнославянизмов в русском литературном языке сделало возможным и столь быстрый взлет русской поэзии и литературы.

Итак, языковые споры XVII-XVIII вв. занимали в русской культуре одно из центральных мест. Б.А. Успенский пишет о том, что они «приобретают широкий общественный смысл, абсорбируя идеологические, политические, религиозные проблемы. Та или иная языковая позиция становится как бы знаменем, позволяющим определить, так сказать, партийную принадлежность человека в рамках той или иной концептуальной схемы... иными словами,

споры о языке как бы моделируют самосознание русского общества: они предлагают набор альтернативных решений, выбор между которыми и определяет общественную и идеологическую позицию» [Успенский, 1985, 5]. Их результатом стало вливание церковнославянских терминов в русский литературный язык, после Пушкина не выделяемых русским языковым сознанием как церковнославянизмы, но оценивающихся как русские. Этот факт, по нашему мнению, стал решающим в вопросе становления русского вербального мышления в российский период, в самоопределении самобытного типа философствования, присущего русским мыслителям, и в деле сохранения культурных смыслов древнерусской эпохи в сознании постпетровской России.

Особенности русского языкового мышления

Говоря об особенностях русского языкового мышления, мы связываем его с языком. Основание для установления такой связи нам дает Г.В.Ф. Гегель, писавший, что «язык представляет собой как бы тело мышления» [Гегель, 1975, т. I, 320], «язык есть произведение мысли» [Там же, 114]. Из этого положения Гегель выводил обязательность изучения древних языков (греческого и латинского) – необходимого материала для восхождения в «рай человеческого духа» – греческую и римскую мыслительные традиции, материал, составляющий «субстанциальную сердцевину» питания для развития разума и способностей души [Там же, 401-402]. Гегель предполагал и существование национальных форм философии – английской, французской и немецкой, отводя каждой из них особую способность: англичанам – умение формировать «эмпирическую, совершенно конечную форму понятия», французам – «образовывать формы этого понятия» и, наконец, немцам – «мышление абсолютного понятия». В продолжение его мысли мы, по результатам нашего исследования, можем сказать о существовании особого русского мыслительного типа, предрасположенного к выражению в своих рассуждениях антиномичных утверждений, получаемых при подключении к логической силе души чувственно-эмоциональных способностей (вытекающих из ориентации церковнославянского языка на выражение религиозных истин, духовного, сверхрационального опыта).

Для представления некоторых ключевых, с нашей точки зрения, особенностей русского языкового мышления обратимся к работам А. Вежбицкой, рассматривающей русский язык с позиций этносемантики. Исследовательница выделяет несколько отличительных характеристик русского языка, которые, по нашему мнению, тесно коррелируются с особенностями древнерусского вербального мышления, выраженного прежде всего в формах и смыслах церковнославянского языка. Ибо церковнославянский язык, будучи средством передачи духовного опыта, связанного с мистико-религиозными переживаниями, в ходе объективации смыслов обрабатывал не только и не столько формы понятийно-логической экспликации, сколько символические способы и средства, направленные на гибкое, адекватное выражение чувственно-эмоциональной составляющей духовного опыта, выходящего за пределы логической категориальности и имеющего ярко выраженную морально-нравственную составляющую. Итак, семантические характеристики, образующие смысловой универсум русского языка, по результатам исследований А. Вежбицкой, представлены в работе «Русский язык» [Вежбицкая, 1997, 33-86].

- 1) Эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков. Проявляется в богатстве «активных»

глаголов (радоваться, тосковать, скучать, грустить и т. д.), связанных с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс (например, «душа грустит о небесах» (С. Есенин)). Это отличается, например, от английского языка, где эмоциональные глаголы очень редки и используются с негативно-ироническим оттенком. При этом русский язык также обладает высоким арсеналом средств, дающих людям возможность говорить о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими не контролируемых (безличная форма глагола и дательного падежного имени типа «ему было мучительно/скучно/грустно»); конструкции такого типа непереводимы точно на другие языки. Таким образом, русский язык оказывается приспособлен для выражения внутреннего опыта («для обозначения неволевого чувства» [Там же, 46]), охватывающего человека и неподвластного в этот момент его контролю. Приспособлено для выражения мысли, рождающейся во внутренней речи и еще не «вырванной» из личностного внутреннего опыта.

- 2) Иррациональность (или нерациональность) – подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания. Из двух подходов к описанию мира – описание мира в терминах причин и следствий и описание более субъективной, более импрессионистичной, более феноменологичной картины мира, «из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологичному пути». Это проявляется в колоссальной роли в русском языке безличных предложений различных типов: «безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления» (Яринцов) [Цит. по: Там же, 73]. Например, «его переехало трамваем», «его знобило/лихорадило». Непосредственная причина событий здесь изображена так, как если бы она была «инструментом» некоей неизвестной силы, акцент делается на неизвестном, непознаваемом. Эту особенность можно интерпретировать как направленность языка на описание непознаваемых силами разума явлений, акцентирование того, что человек – не активный творец своей судьбы (что выражается в преобладающих в английском языке активных номинативных конструкциях), но только агент приложения Божественных сил, находящийся «в руках Божиих». Интересен отмечаемый многими исследователями (Галкина-Федорук, Пеньковский) рост безличных конструкций в современном русском языке в отличие от языков европейских (немецкий, французский и английский), где изменения идут в обратном направлении. «Это дает все основания думать, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечают особой ориентации русского семантического универсума и в конечном счете русской культуры» [Там же, 75].
- 3) Любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любовь к крайним и категорическим суждениям. Данная черта проявляется в очень высоком распространении существительных, выражающих категорическое моральное осуждение (так, слова «подлец», «мерзавец» и «негодяй» используются 75 раз в мегакорпусе русских слов, основанных на миллионе широко распространенных в повседневной речи единиц словаря В. Засориной; а соответствующее им слово «scoundrel» в английском корпусе текстов имеет частоту 2 на миллион словоупотреблений), а также в чрезвычайно частом использовании русскими слов, выражающих моральный восторг (по данным словаря Засориной, слово «благородный» используется 54 раза против 23 для английского эквивалента «noble» по словарям Kucera, Francis). Это свидетельствует о моральной ориентации русского языка,

с помощью которого можно оценивать других и самого себя в свете абсолютной бинарной позиции Добро – Зло, в свете высшего морально-нравственного идеала.

Заключение

Таким образом, древнерусские ценности были восприняты новой светской российской культурой в том числе благодаря проникновению в русский литературный язык церковнославянского слова (хотя и в «сниженном» после Раскола виде) с его специфической ориентацией на выговаривание преимущественно духовно-нравственного содержания, сопряженного с внутренним духовным опытом. Специфика типа вербального мышления, уходящего корнями в древнерусскую книжность, и восприятие русским литературным языком церковнославянской традиции повлияли и на особенности русского типа философствования, наиболее ярко проявившегося в русской религиозной философии, стремившейся критически переосмыслить западноевропейский логико-понятийный рациональный способ рассуждения.

Библиография

1. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. 320 с.
2. Биbihин В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. 416 с.
4. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. 316 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. I. 452 с.
6. Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х гг. М.: РГГУ, 2001. 144 с.
7. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных // Избранные произведения: в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 197-202.
8. Мишланов В.А. Церковнославянский язык // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 2. URL: http://www.permsc.ru/images/stories/vestnik_psc/2016_2/Мишланов_В.pdf
9. Прокопович Ф. De arte rhetorica // Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1986.
10. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 122-139.
11. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVII – начала XIX вв. М.: МГУ, 1985. 215 с.
12. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка XI-XIX вв. М.: Гнозис, 1994. 240 с.

The problem of the succession of the cultural values of Ancient Russia in post-Petrine Russia: the language context

Yuliya A. Rybalka

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of social work,
Don State Technical University,
344000, 1 Gagarina sq., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: rybalka-yuliya@mail.ru

Abstract

The article aims to study the problem of the implication of the cultural meanings of Ancient Russia in the New Age culture of Russia in the situation of social and cultural gap between the 17th and the

early 19th centuries. It makes an attempt to identify the degree of the involvement of the Church Slavonic language in the Russian literary language. Having reviewed briefly the polemics regarding the creation of the Russian literary language, the author reveals the fusion of Church Slavonic and Russian colloquial elements in the Russian literary language, where the features of the Church Slavonic language began to be used as an expressive instrument. Further analysis shows that a high proportion of Church Slavonicisms in the Russian literary language greatly expanded the wealth of its stylistic and semantic possibilities, giving the ability to express high principles and morals. The article determines a special role of the Church Slavonic elements in the philosophical and scientific terminology. It is viewed as a basis for the creation of such notions due to the abstract, generalised character of words and phrases in the Church Slavonic language that are intended to speak about the world of the divine, immaterial and spiritual. In conclusion, the article considers the general features of Russian linguistic mentality on the basis of the ethnosemantic research conducted by A. Wierzbicka.

For citation

Rybalka Yu.A. (2018) Problema preemstvennosti kul'turnykh tsennostei Drevnei Rusi v postpetrovskoi Rossii: yazykovoii kontekst [The problem of the succession of the cultural values of Ancient Russia in post-Petrine Russia: the language context]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), pp. 116-125.

Keywords

Russian linguistic thinking, Church Slavonic language, Russian language, V. Trediakovsky, A. Pushkin, antinomy of thought.

References

1. Artem'eva T.V. (1996) *Istoriya metafiziki v Rossii XVIII veka* [A history of metaphysics in Russia in the 18th century]. St. Petersburg.
2. Bibikhin V. (1993) Delo Khaideggera [The case of Heidegger]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow.
3. Grinberg M.S., Uspenskii B.A. (2001) *Literaturnaya voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh gg.* [The literary war of Trediakovsky and Sumarokov in the 1740s and the early 1750s]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
4. Hegel G.W.F. (1830) *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk*, Vol. 1. Moscow.)
5. Lomonosov M.V. (1986) Predislovie o pol'ze knig tserkovnykh [A preface about the benefits of ecclesiastical books]. In: *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow, pp. 197-202.
6. Mishlanov V.A. (2016) Tserkovnoslavyanskii yazyk [The Church Slavonic language]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Perm Scientific Centre], 2. Available at: http://www.perm-sc.ru/images/stories/vestnik_psc/2016_2/Mishlanov_V.pdf [Accessed 22/03/18].
7. Prokopovich F. (1986) De arte rhetorica. In: Vomperskii V.P. *Stilisticheskoe uchenie M.V. Lomonosova i teoriya trekh stilei* [The stylistic doctrine of Lomonosov and the theory of three styles]. Moscow.
8. Trubetskoi N.S. (1990) Obshchoslavyanskii element v russkoi kul'ture [The common Slavonic element in Russian culture]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 2, pp. 122-139.
9. Uspenskii B.A. (1985) *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII – nachala XIX vv.* [From the history of the Russian literary language of the 17th – the early 19th centuries]. Moscow: Moscow State University.
10. Uspenskii B.A. (1994) *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka XI-XIX vv.* [A brief outline of the history of the Russian literary language of the 11th – 19th centuries]. Moscow: Gnozis Publ.
11. Vereshchagin E.M. (1997) *Istoriya vznikeniya drevnego obshchoslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatelnost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov* [A history of the ancient common Slavonic literary language. Translation activities of Cyril and Methodius and their disciples]. Moscow.
12. Wierzbicka A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow.